

Китай — региональная, а не мировая держава

Збигнев Бжезинский

История Китая — это история национального величия. Нынешний обостренный национализм китайцев внове только с точки зрения широты социального охвата, поскольку свойствен самосознанию и эмоциям гораздо более многочисленных, чем прежде, слоев китайского общества. Ситуация сейчас совсем иная, чем в начале века, когда национализм был присущ в основном студенчеству, служившему социальной базой Гоминьдана и Коммунистической партии Китая. Современный же китайский национализм — массовое явление, определяющее умонастроения самого многочисленного в мире народа.

Эти умонастроения уходят корнями глубоко в историю. Она сложилась так, что китайская элита привыкла считать свою страну естественным центром мира. Даже само слово, которым китайцы обозначают свою родину — «Чжунго», или «Срединное царство», отражает идею ведущей роли Китая в мировых делах и подчеркивает значение национально-государственного единства. Есть у этого понятия и еще один смысловой оттенок: оно подразумевает, что вышестоящая сердцевина распространяет свое влияние на нижестоящую периферию и обосновывает притязания находящегося в центре Китая на почтительное отношение к себе со стороны его окружения.

Важно и другое: с незапамятных времен Китай с его огромным по численности населением представлял собой самостоятельную и гордую этой своей самостоятельностью цивилизацию. Она далеко продвинулась во всех областях: по развитию философии, культуры, искусства, по уровню социальных навыков и умений, технической изобретательности, по мощи

Отрывок из книги Збигнева Бжезинского «Большая шахматная доска. Американское первенство в мире и его геостратегические императивы» (Zbigniew Brzezinski. «The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives». N.Y., HarperCollins Publishers, 1997. XIV + 223 pp.) Публикуется с любезного разрешения автора.

политической власти. Китайцы помнят, что примерно до начала XVII века их страна занимала первое место в мире по производительности сельского хозяйства, передовым промышленным технологиям и уровню жизни населения. И при этом, в отличие от европейской и исламской цивилизаций, породивших в общей сложности около 75 государств, Китай на протяжении почти всей своей истории оставался единым государством, которое к моменту провозглашения Декларации независимости США насчитывало более 200 млн. жителей и было ведущей промышленной державой мира.

Если принять все это во внимание, то падение Китая с высоты былого величия и его дряхлеющие последние 150 лет унижение предстанут искажением естественного хода истории, нечестивым покушением на особую историческую роль Китая и личным оскорблением каждого китайца. С подобного рода унижением следует покончить, а виновных в этом — примерно наказать. Основная часть вины лежит (пусть и в неравной мере) на четырех странах: Великобритании, Японии, России и Америке. Великобритания в ответе за «опиумные» войны и последующее позорное унижение Китая; Япония — за хищнические войны на протяжении последних ста лет, причинившие китайскому народу ужасные страдания (в чем японцы до сих пор не раскаялись); Россия — за продолжительные покушения на северные китайские земли и высокомерное пренебрежение Сталина к присущему китайцам чувству собственного достоинства, и, наконец, Америка — за то, что, стратегически присутствуя в Азии и оказывая поддержку Японии, стоит на пути внешнеполитических устремлений Китая.

С точки зрения Китая две из этих четырех держав уже, так сказать, наказаны историей. Великобритания — больше не империя, и спуск британского флага в Гонконге навеки закрывает этот особенно болезненный эпизод в отношениях между ней и Китаем. По соседству с ним все еще остается Россия, однако ее размеры, международное влияние и престиж заметно сократились. Самые серьезные для Китая проблемы исходят от Америки и Японии, и роль Китая как в мировом, так и в региональном масштабах будет в значительной мере определяться его отношениями с этими двумя странами.

В первую же очередь эта роль зависит от того, как будет развиваться сам Китай, в какой степени сможет нарастить свою экономическую и военную мощь. В этом отношении прогноз для Китая выглядит в целом благоприятно, несмотря на некоторые ограничения и элементы неопределенности. Темпы роста экономики и объема зарубежных капиталовложений (а по обоим этим показателям Китай находится на одном из первых мест в мире) дают статистическую основу для распространенного предположения, что лет через двадцать Китай превратится в мировую державу примерно с таким же потенциалом, как у США и Европы (при условии,

что европейское объединение будет и впредь развиваться вглубь и ширь). К тому времени Китай сможет значительно опередить по величине валового внутреннего продукта (ВВП) Японию; Россию он по этому показателю намного опережает уже сейчас. Благодаря подобному экономическому рынку Китай обретет такую военную мощь, что будет оказывать устрашающее действие на все соседние страны, а возможно, и на даже более отдаленные государства, противостоящие китайским устремлениям. Усилившись еще больше за счет поглощения Гонконга и Макао, а может быть, и политического подчинения Тайваня, «Большой Китай» станет не только господствующим государством на Дальнем Востоке, но и мировой державой первого класса.

Однако в любом подобном прогнозе, постулирующем неизбежное возрождение «Срединного царства» как одной из ведущих мировых держав, кроются изъяны. Самый очевидный из них связан с методологической ущербностью простой статистической экстраполяции. Ту же ошибку не так давно делали те, кто предсказывал, что Япония в скором будущем вытеснит США с позиции ведущей экономической державы, так как сама судьба сулила ей роль нового сверхгосударства. Этот прогноз не учитывал экономической уязвимости Японии, а также возможного нарушения непрерывности в политическом развитии страны. Теперь такой же некорректностью страдают прогнозы и опасения относительно якобы неизбежного превращения Китая в мировую державу.

Прежде всего, отнюдь не само собой разумеется, что Китай сможет на протяжении следующих двух десятилетий поддерживать нынешние весьма высокие темпы экономического роста. Нельзя исключать, что развитие экономики замедлится, и уже одно это может подорвать расхожий прогноз. Чтобы в течение длительного исторического периода сохранять столь высокие темпы роста, необходимо необыкновенно благоприятное сочетание многих факторов: эффективного руководства государством, политического спокойствия, социальной дисциплины внутри страны, высокого уровня сбережений, непрерывного и весьма обильного притока иностранных инвестиций, стабильности в регионе. Представляется маловероятным, чтобы комбинация всех этих положительных факторов оказалась долговременной.

К тому же быстрый рост китайской экономики способен, по-видимому, породить побочные политические эффекты, сыгравшие в развитии страны роль ограничителей. Уже сейчас потребление энергии в Китае растет намного быстрее ее производства. Этот разрыв будет увеличиваться в любом случае, но особенно в случае сохранения нынешних высоких темпов экономического роста. То же относится и к продовольствию. Даже при снижении темпов демографического роста абсолютный прирост населения Китая остается весьма значительным, а продовольственный им-

порт становится все существеннее для поддержания уровня потребления и политической стабильности. Зависимость от импорта не только потребует от Китая экономических усилий для покрытия растущих затрат, но и сделает страну более уязвимой перед давлением извне.

В военном отношении Китай можно будет в какой-то мере относить к мировым державам, поскольку масштабы его экономики и ее высокие темпы роста позволят правителям страны направлять значительную долю ВВП на наращивание и модернизацию вооруженных сил, в том числе на дальнейший рост стратегического ядерного потенциала. Однако если эти усилия окажутся чрезмерными (а по некоторым западным оценкам, уже в середине 90-х годов на военные цели уходило около 20 проц. китайского ВВП), они способны в долгосрочной перспективе повлиять на экономический рост Китая так же отрицательно, как в свое время повлияла на советскую экономику неудачная попытка СССР посостязаться с США в гонке вооружений. К тому же такого рода усилия Китая могут легко спровоцировать ответное наращивание военного потенциала Японии, что отчасти сведет на нет политические преимущества Китая, достигнутые ценой роста военной мощи. И, наконец, нельзя забывать, что у Китая, вероятно, еще некоторое время не будет средств (если не считать ядерных сил), позволяющих угрожать военной мощью какой-либо стране за пределами своего регионального периметра.

Может также усилиться и напряженность внутри Китая — из-за неизбежной территориальной неравномерности экономического развития, которое сейчас достигается в значительной мере благодаря преимущественному положению отдельных регионов. Впечатляющий экономический рост Китая затрагивает пока главным образом прибрежные южные и восточные районы, а также основные городские центры, относительно более открытые для иностранных инвестиций и внешней торговли. Все же сельские районы внутри страны и некоторые приграничные территории отстают в своем развитии (число безработных в деревне превышает 100 миллионов).

Возникающее на этой почве недовольство неравным положением регионов может наложиться на возмущение социальным неравенством. Быстрый рост китайской экономики усиливает неравномерность в социальном распределении богатства. Рано или поздно либо в результате попытки государства ограничить такие различия, либо под воздействием недовольства снизу экономический разрыв между регионами и социальными слоями может дестабилизировать политическую ситуацию в стране.

К распространенным прогнозам относительно того, что в течение следующей четверти века Китай станет первостепенной мировой державой, следует относиться осторожно и скептически еще по одной причи-

не. Дело в неопределенности перспектив политического развития страны. Динамичные экономические преобразования, нацеленные на разгосударствление экономики и большую открытость страны перед внешним миром, в долгосрочной перспективе несовместимы с относительно закрытой и бюрократически косной коммунистической диктатурой. Мнимо коммунистический характер ей во все большей степени придется не приверженностью идеологии, а групповыми интересами бюрократии. Китайская политическая элита по-прежнему организована как замкнутая, жесткая, дисциплинированная и монополистически нетерпимая иерархия; она все еще ритуально провозглашает свою верность якобы оправдывающей ее власть догме, но больше не внедряет ее в жизнь общества. Рано или поздно эти несовместимые стороны жизни придут в лобовое столкновение, если только политическая система Китая не начнет постепенно приспосабливаться к социальным требованиям, диктуемым экономическими переменами.

От проблемы демократизации нельзя уходить до бесконечности — разве что в Китае внезапно примут такое же решение, как в 1474 году: изолировать страну от внешнего мира (наподобие современной Северной Кореи). Чтобы добиться этого, Китаю пришлось бы отозвать из Америки своих студентов (числом более 70 тысяч), изгнать иностранных бизнесменов, отключить компьютеры и снять антенны спутникового телевидения с миллионов домов. Это было бы актом безумия вроде «культурной революции». Исключить то, что в борьбе за власть догматическое крыло еще правящей, но уже находящейся в упадке Коммунистической партии Китая попытается скопировать северокорейский опыт, нельзя, но такая попытка была бы лишь кратковременным эпизодом. По всей вероятности, она привела бы к экономическому застою, а затем спровоцировала бы политический взрыв.

В любом случае самоизоляция означала бы конец каких бы ни было серьезных притязаний Китая не только на роль мировой державы, но и на первенство в регионе. К тому же страна объективно слишком заинтересована в доступе к внешнему миру, а мир этот — в отличие от 1474 года — теперь слишком навязчив, чтобы от него можно было действительно отгородиться. Таким образом, для Китая продолжение политики открытости — единственный путь, и ему нет осуществимой, экономически продуктивной и политически жизнеспособной альтернативы.

Из этого следует, что проблема демократизации будет становиться для Китая все более актуальной, и от нее (как и от проблемы прав человека) нельзя будет слишком долго уходить. Поэтому будущее развитие Китая и перспективы обретения им статуса мировой державы будут в значительной мере зависеть от того, насколько успешно правящая элита страны справится с двумя взаимосвязанными задачами — переходом власти от

нынешнего поколения лидеров к более молодой команде и снятием обостряющегося противоречия между экономической системой страны и ее политическим строем.

Возможно, китайские лидеры справятся с медленным эволюционным переходом к авторитарной системе, где на низшем уровне политической власти действовало бы ограниченное выборное начало, в расчете на последующее продвижение к подлинному политическому плюрализму с элементами конституционного правления. Такой контролируемый переход гораздо лучше соответствовал бы расширению экономической открытости страны, чем упорное стремление удержать за партией исключительную монополию на политическую власть.

Чтобы провести подобного рода контролируруемую демократизацию, китайской элите нужны чрезвычайно умелые лидеры, которые руководствовались бы прагматическим, здравым смыслом. При этом элите придется сохранять относительное единство, а также быть готовой поступиться монополией на власть (и личными привилегиями), а населению — оставаться терпеливым и нетребовательным. Поддерживать подобное сочетание благоприятных условий может оказаться делом трудным. Как показывает опыт, стремление к демократизации, идущее снизу — от тех, кто считает себя политически угнетенными (интеллигенция и студенчество) или экономически эксплуатируемыми (новый городской рабочий класс и деревенская беднота), — обычно опережает готовность властей идти на уступки. Весьма вероятно, что в какой-то момент те, кто испытывает недовольство по политическим и социальным мотивам, вместе требуют расширения демократии, свободы выражения мнений и уважения к правам человека. На площади Тяньаньмэнь в 1989 году этого не случилось, но в следующий раз подобное вполне может произойти.

Итак, маловероятно, чтобы Китаю удалось избежать полосы политических потрясений. С учетом огромных размеров страны, растущих диспропорций между регионами и полувекового наследия идеологической диктатуры такой период может привести к разрушительным последствиям и в политическом, и в экономическом отношениях. Похоже, что даже сами китайские лидеры испытывают подобные опасения: в закрытых исследованиях, проведенных по заказу партийного руководства в начале 90-х годов, говорилось о возможности серьезных политических волнений¹. Некоторые китайские специалисты даже предсказывают, что Китай может, как это уже случалось в истории страны, перейти в состояние внутренней раздробленности, что полностью исключило бы его возвращение к государственному величию. Однако вероятность такого крайнего варианта развития событий невелика, поскольку на сохранение единства страны работают два мощных фактора — массовый национализм и современные средства коммуникации.

Отнестись скептически к перспективе превращения Китая примерно за ближайшие двадцать лет в по-настоящему крупную мировую державу (хотя некоторые американцы уже сейчас видят в Китае угрозу) вынуждает, наконец, и третья причина. Даже если Китай избежит серьезных политических потрясений и ему каким-то образом удастся сохранить чрезвычайно высокие темпы экономического роста в течение следующей четверти века (а оба эти «если» весьма существенны), то по сравнению с экономически развитыми государствами страна все равно останется крайне бедной. Даже если ВВП Китая утроится, он будет входить в группу стран мира с низким уровнем дохода на душу населения, не говоря уже о том, что значительная часть китайцев будет все еще жить в нищете². По числу телефонов, автомобилей, компьютеров на душу населения, а тем более по общему уровню потребления Китаю суждено по-прежнему занимать одно из последних мест в мире.

Все это позволяет заключить, что при самых благоприятных условиях даже к 2020 году Китай по ключевым параметрам вряд ли войдет в число *мировых* держав. Однако к тому, чтобы стать главенствующей *региональной* державой в Восточной Азии, он весьма близок. Китай уже господствует в геополитическом отношении на материковой части региона. По военной и экономической мощи он намного превосходит своих непосредственных соседей, за исключением Индии. И потому естественно, что Китай будет все больше утверждать свою ведущую роль в региональном масштабе — в соответствии с императивами, заданными историей, географией и экономикой страны.

Китайцы, изучающие отечественную историю, знают, что еще в 1840 году влияние китайской империи распространялось на всю Юго-Восточную Азию (до самого Малаккского пролива, включая Бирму и часть нынешней Бангладеш), а также на Непал, часть теперешнего Казахстана, всю Монголию и территорию, которая теперь называется российским Дальним Востоком (к северу от нижнего течения Амура). Все эти области либо в той или иной форме находились под властью Китая, либо платили ему дань. В 1885—95 годах в результате французской и английской колониальной экспансии он был вытеснен из Юго-Восточной Азии, а по договорам 1858 и 1864 годов, навязанных Китаю Россией, утратил территории на северо-востоке и северо-западе. В 1895 году, после войны с Японией, Китай потерял и Тайвань.

По историческим и географическим соображениям Китай почти наверняка будет все настойчивее, даже страстно добиваться воссоединения Тайваня с материковой частью страны. Есть основания полагать, что по мере роста своей мощи Китай сделает это воссоединение главной целью собственной политики в первом десятилетии XXI века, когда он экономически поглотит и политически «переварит» Гонконг. Не исключено, что

мирное воссоединение (возможно, по формуле «одна страна — несколько систем» — по аналогии с выдвинутым Дэн Сяопином в 1984 году лозунгом «одна страна — две системы») окажется привлекательным для Тайваня и не встретит сопротивления со стороны Америки. Но это будет возможно лишь при условии, что Китай к тому времени станет все так же успешно развиваться экономически и заметно продвинется по пути демократических реформ. В противном случае Китай, даже доминируя в регионе, будет в военном отношении недостаточно силен, чтобы навязать Тайваню свою волю — особенно если этому станут противодействовать США. Тогда проблема будет по-прежнему питать китайский национализм и отравлять американо-китайские отношения.

По географическим соображениям Китай заинтересован в союзе с Пакистаном и военном присутствии в Бирме (ныне Мьянма. — **Прим. ред.**). Геостратегическая цель в обоих случаях — Индия. Тесное китайско-пакистанское военное сотрудничество осложняет проблемы безопасности Индии, мешает ей стать региональным гегемоном в Южной Азии и геополитическим соперником Китая. Военное сотрудничество с Бирмой обеспечивает Китаю доступ к военно-морским базам на островах у бирманского побережья в Индийском океане, усиливая таким образом стратегическое влияние Китая в Юго-Восточной Азии вообще и Малаккском проливе, в частности. Если же Китай будет контролировать Малаккский пролив с его геостратегическим узлом в Сингапуре, от него будет зависеть доступ Японии к ближневосточной нефти и европейским рынкам.

Сочетанием географических и исторических факторов обусловлен и интерес Китая к Корее. Некогда эта страна платила дань Китаю, и для него воссоединенная Корея как проводник американского (а косвенно и японского) влияния была бы совершенно неприемлемой. Китай будет настаивать как минимум на том, чтобы после воссоединения Корея стала неприсоединившимся буферным государством между Китаем и Японией, и станет ожидать, что исторически сложившаяся враждебность к Японии сама по себе втянет Корею в китайскую сферу влияния. Пока же Китай устраивает Корея разделенная, и поэтому он, видимо, будет склонен поддерживать сохранение северокорейского режима.

На интересы Китая в регионе неизбежно влияют и экономические соображения. Так, быстро растущая потребность в новых источниках энергии уже побуждает Китай настаивать на главной роли в любом региональном проекте по разработке минеральных ресурсов на дне Южно-Китайского моря. По той же причине Китай начал проявлять растущую заинтересованность в независимости богатых энергоресурсами стран Центральной Азии. В апреле 1996 года Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали многостороннее соглашение о границах и безопасности. Как сообщалось, во время визита председателя КНР Цзян Цзэ-

миня в Казахстан (июль того же года) китайская сторона заверила партнера в поддержке «усилий Казахстана, направленных на защиту своей независимости, суверенитета и территориальной целостности». Это ясно обозначило растущую вовлеченность Китая в геополитические проблемы Центральной Азии.

Под воздействием исторических и экономических факторов у Китая, наращивающего относительную мощь в регионе, усиливается интерес и к российскому Дальнему Востоку. Впервые с тех пор как Китай и Россия стали формально граничить между собой, Китай выступает в роли экономически более динамичного и политически более мощного соседа. Китайские переселенцы и торговцы уже просачиваются на российскую территорию в значительных масштабах, и Китай все активнее проводит в жизнь идею экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии с участием Японии и Кореи. Позиции России в этих рамках сейчас сравнительно ослаблены, а российский Дальний Восток становится экономически все более зависимым от связей с китайской Маньчжурией. Сходные экономические факторы влияют и на отношения между Китаем и Монголией — страной, уже не являющейся российским сателлитом; Китай неохотно признал ее государственную независимость.

Так в регионе формируется китайская сфера влияния, отличающаяся, однако, от зоны исключительного политического господства, какой, например, располагал Советский Союз в Восточной Европе. В социально-экономическом отношении она более проницаема и политически не имеет столь монопольного характера. И все же находящиеся в этом географическом пространстве государства, вырабатывая свою политику, проявляют особое уважение и внимание к интересам, мнениям и прогнозируемым ответным действиям первенствующей в регионе державы. Иначе говоря, китайскую сферу влияния (может быть, точнее было бы назвать ее *sphere of deference*, или «сферой уважения») можно определить как совокупность стран, в чьих столицах при любой возникающей проблеме первым делом задаются вопросом: «А как на это посмотрит Пекин?»

На карте (см. с. 137) очерчены потенциальные пределы влияния, которых за следующую четверть века может достичь Китай как доминирующая в своем регионе или как мировая держава — если он таковой станет, несмотря на отмеченные выше внутренние и внешние препятствия. Господствующий в регионе «Большой Китай», мобилизовавший политическую поддержку своей колоссально богатой и экономически влиятельной диаспоры в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле и Джакарте, не говоря о Тайване и Гонконге³, а также проникший в Центральную Азию и на российский Дальний Восток, по размерам сферы влияния будет приблизительно таким же, как китайская империя перед началом своего упадка примерно 150 лет назад, и даже расширит зону своего геополитичес-

кого воздействия за счет союза с Пакистаном. По мере роста мощи и престижа Китая богатые китайцы за рубежом будут, вероятно, все сильнее отождествлять свои интересы с интересами исторической родины и превратятся в мощный авангард продвижения Китая в страны региона. Государства Юго-Восточной Азии могут счесть благоразумным уважительно относиться к китайским политическим пожеланиям и экономическим интересам. Это уже происходит, причем во все большей степени⁴. Сходным образом новые государства Центральной Азии все определеннее видят в Китае державу, заинтересованную в их независимости и в том, чтобы они выполняли роль буфера между Китаем и Россией.

Если Китай станет мировой державой, сфера его влияния существенно расширится в южном направлении, поскольку Индонезия и Филиппины будут вынуждены приспособиться к господству китайского флота в Южно-Китайском море. Такой Китай будет испытывать гораздо более сильное искушение решить проблему Тайваня силой — независимо от позиции США. На западе Узбекистан как центральноазиатское государство, которое решительнее всех готово противостоять посягательствам России на ее бывшие имперские владения, способен охотно пойти на уравнивающий союз с Китаем. Такой союз может оказаться привлекательным и для Туркмении. Возможно, Китай станет проводить более энергичную политику и в Казахстане, уязвимом из-за его этнической неоднородности. Ставший реальным политическим и экономическим гигантом Китай сможет также более открыто оказывать политическое влияние на российском Дальнем Востоке и содействовать объединению Кореи под своей эгидой (рис. 1).

Но такой «раздувшийся» Китай столкнется, скорее всего, с мощным сопротивлением извне. При взгляде на карту очевидно, что на западе у России и Индии появятся достаточно весомые причины вступить в союз для ответа на китайский вызов. Сотрудничество между ними будет, вероятно, нацелено в первую очередь на Центральную Азию и Пакистан, откуда Китай может угрожать их интересам в наибольшей степени. На юге наиболее сильное сопротивление будет исходить от Вьетнама и Индонезии (вероятно, при поддержке Австралии). На востоке любым попыткам Китая добиться преобладания в Корее и силой поглотить Тайвань будут противостоять США (вероятно, совместно с Японией): успех таких попыток ограничил бы американское политическое присутствие на Дальнем Востоке японским плацдармом — единственным и к тому же потенциально нестабильным.

Вероятность полной реализации сценариев, обозначенных на карте, зависит в конечном счете не только от того, как будет развиваться сам Китай, но и в значительной мере от поведения Америки, от степени ее участия в событиях. Если она будет низкой, второй сценарий станет гораздо более вероятным. Однако даже первый невозможно осуществить в

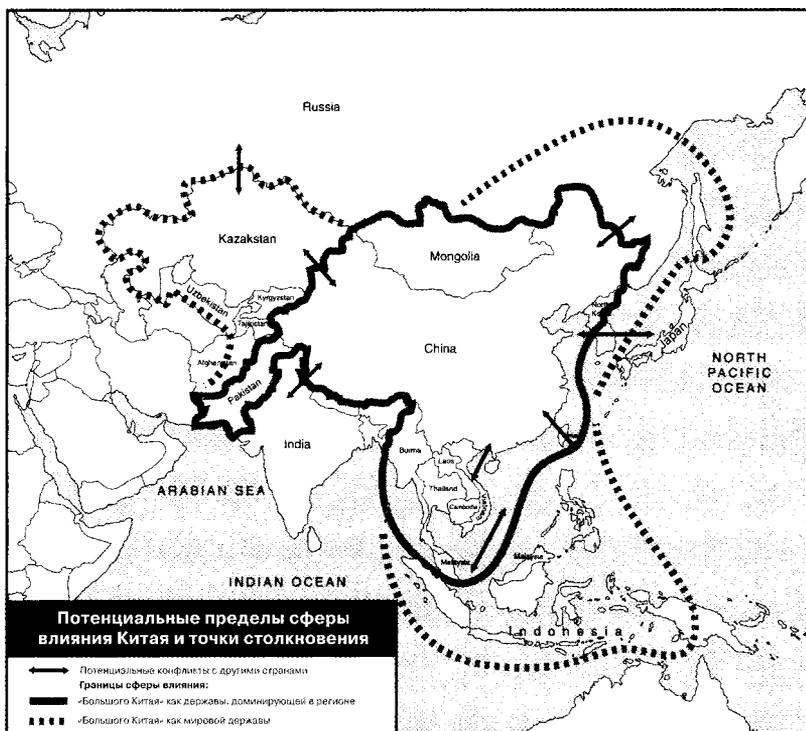

Рис. 1

полной мере, если США не проявят определенной терпимости и сдержанности. Китайцы это понимают, и потому политика Китая должна быть сосредоточена прежде всего на том, чтобы обеспечить желательное для них поведение Америки, и в особенности выгодное для Китая развитие американо-японских отношений. Отношения же Китая с другими странами могут меняться — по тактическим соображениям, подчиненным этой стратегической цели.

Беспокойство Китая связано не столько с тем, какую политику Америка реально проводит, сколько с тем, что она собой представляет и каково ее место в современном мире. Китай видит в США нынешнего мирового гегемона, одно присутствие которого в регионе, коренящееся в его доминирующем влиянии на Японию, объективно сдерживает расширение китайского влияния. По словам одного китайского аналитика, работающего в исследовательском отделе МИД КНР, «стратегическая цель США — стремление к мировой гегемонии, и Америка не может допустить появления в Европе или Азии крупной державы, которая представляла бы угрозу ее лидирующему положению»⁵. Таким образом, просто оставаясь тем, что

она есть, и там, где она есть, Америка невольно становится противником Китая, а не его естественным союзником.

Отсюда задача китайской политики — в соответствии с принципами, завещанными древнекитайским стратегом Сунь-цзы, — состоит в том, чтобы подорвать американскую гегемонию мирными средствами и при этом не допустить высвобождения скрытых японских притязаний в регионе. Для этого китайская геостратегия должна ориентироваться одновременно на две цели, несколько туманно сформулированные Дэн Сяопином в августе 1994 года: «Во-первых, противостоять гегемонизму и политике силы и защищать мир во всем мире; во-вторых, создать новый международный политический и экономический порядок». Первый из этих двух пунктов явно направлен против США и имеет целью ослабить преобладающее влияние Америки, тщательно уклоняясь от военного столкновения, которое положило бы конец стремлению Китая к экономическому могуществу. Второй нацелен на пересмотр сложившегося в мире распределения международного влияния. Тут Китай собирается сыграть на недовольстве некоторых ключевых стран нынешней неформальной глобальной иерархией, центральное место в которой занимают США: на крайнем западе Евразии их поддерживает Европа (прежде всего Германия), а на крайнем востоке материка — Япония.

Вторая из названных основных целей китайской политики предусматривает, что в своей региональной геостратегии Пекин, даже продолжая добиваться преобладания в регионе, будет стремиться избегать любых серьезных конфликтов с непосредственными соседями. Особенно своевременным стало тактическое улучшение китайско-российских отношений, поскольку теперь Россия оказалась слабее Китая. В этой связи в апреле 1997 года обе эти страны вместе осудили «гегемонизм» и охарактеризовали расширение НАТО как «недопустимое». Маловероятно, однако, чтобы Китай всерьез отнесся к идее долговременного и всестороннего союза с Россией против Америки. Такая политика имела бы следствием расширение и углубление американо-японского союза; Китай же хотел бы этот союз постепенно ослабить. Подобный курс отрезал бы Китай и от жизненно важных источников современных технологий и капиталов.

Как и в отношениях с Россией, Китаю было бы лучше всего избегать прямого столкновения с Индией — даже при продолжении тесного военного сотрудничества с Пакистаном и Бирмой. Откровенно антииндийская политика осложнила бы тактически выгодное для Китая налаживание отношений с Россией, подтолкнув Индию к установлению более тесных связей с Америкой. Поскольку для Индии, как и для Китая, характерна некая общая антизападная установка против существующей глобальной «гегемонии», смягчение напряженности в китайско-индийских отношениях соответствует общим геостратегическим ориентирам Китая.

Эти же соображения применимы в целом и к отношениям Китая со странами Юго-Восточной Азии. Заявляя в одностороннем порядке претензии на [острова в] Южно-Китайском море, китайцы одновременно всячески обхаживают государственных лидеров региона (за исключением руководителей исторически враждебного Китаю Вьетнама). В частности, Китай использует в своих интересах открыто выраженные в последние годы лидерами Малайзии и Сингапура антизападные настроения, связанные главным образом с проблемой западных ценностей и прав человека. Особенно приветствуют китайцы резкие антиамериканские заявления, с которыми время от времени выступает малайзийский премьер-министр Датук Махатхир Мохаммад. На международном форуме в Токио в мае 1996 года он даже публично подверг сомнению необходимость японо-американского Договора безопасности, потребовав, чтобы ему назвали противника, от которого призван защищать этот договор, и заявив, что Малайзия не нуждается в союзниках. Китайцы явно рассчитывают, что любое ослабление американских позиций автоматически усилит их собственное влияние в регионе.

По аналогичной модели «терпеливого давления» строится политика Китая по отношению к Тайваню. В вопросе о его международном статусе Китай занимает бескомпромиссную позицию и ради того, чтобы другие страны осознали всю серьезность подхода КНР к этой проблеме, может даже пойти на обострение внешнеполитической напряженности (как это случилось в марте 1996 года). В то же время китайские лидеры, похоже, понимают: средств добиться удовлетворительного решения вопроса путем принуждения у них в обозримом будущем не будет. Они сознают, что преждевременная попытка силового подхода вызвала бы только обреченное на неудачу столкновение с Америкой и укрепила бы роль США как гаранта мира в регионе. К тому же китайцы признают: перспектива появления «Большого Китая» будет во многом определяться тем, насколько удачно пройдет поглощение ими Гонконга.

Нынешняя нормализация отношений Китая с Южной Кореей — тоже составная часть политики укрепления флангов с целью сосредоточить усилия на главной цели. Если учесть историю Кореи и психологию ее народа, становится ясно, что налаживание отношений между этой страной и Китаем уже само по себе ведет к ослаблению потенциальной роли Японии в регионе, готовя почву для возрождения более традиционных отношений между Китаем и Кореей (воссоединенной либо разделенной).

Важнее всего, что мирное укрепление позиций Китая в регионе облегчит достижение его главной цели. Сунь-цзы мог бы сформулировать ее так: подорвать американское влияние в регионе до такой степени, чтобы ослабленная Америка ощутила потребность в союзе с Китаем как со страной, доминирующей в регионе, а со временем и как с мировой державой-

партнером. Этой цели следует добиваться так, чтобы в ответ не спровоцировать расширения американско-японского союза или же замены американского влияния в регионе японским.

Чтобы достичь этой главной цели, Китай стремится пока прежде всего предотвратить укрепление и расширение сотрудничества между США и Японией в вопросах безопасности. Особую тревогу в Китае вызвало происшедшее в начале 1996 года неявное расширение географического ареала этого сотрудничества, которое охватывает теперь не Дальневосточный, а более широкий Азиатско-Тихоокеанский регион. Это было воспринято не только как непосредственная угроза китайским интересам, но и как начало формирования под контролем США азиатской системы безопасности, нацеленной на сдерживание Китая, — системы, в которой Япония должна быть таким же ключевым элементом⁶, как Германия в НАТО эпохи «холодной войны». По мнению Пекина, благодаря этому соглашению у Японии появилось больше шансов стать со временем крупной военной державой, которая, возможно, окажется даже в состоянии полагаться на свою собственную силу при разрешении экономических конфликтов и территориальных споров на море. Поэтому Китай будет, по-видимому, всячески раздувать сохраняющийся в Азии страх перед возможным ростом японского военного могущества в регионе, чтобы оказать сдерживающее влияние на США и запугать Японию (перспективой изоляции).

Однако, по стратегическим расчетам Китая, американская гегемония не может быть продолжительной. Хотя кое-кто в Китае, особенно среди военных, считает Америку непримиримым врагом своей страны, в Пекине преобладает мнение, что со временем из-за чрезмерной опоры на Японию Америка окажется в регионе более изолированной. Как полагают китайцы, усиление зависимости США от особых отношений с этой страной обострит американско-японские противоречия и усилит страх Америки перед японским милитаризмом. Это даст Китаю возможность сыграть на противоречиях между США и Японией, как в свое время — на противоречиях между США и СССР. По мнению Пекина, придет время, когда Америка осознает: чтобы оставаться влиятельной державой в АТР, ей следует обратиться к своему естественному партнеру на азиатском материке.

*Перевод с английского
Николая Руденского*

Об авторе. Бжезинский Збигнев — бывший помощник президента США по национальной безопасности (1977—1981). Ныне — советник Центра стратегических и международных исследований, профессор Школы высших международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джонса Хопкинса в Вашингтоне.

Примечания

- ¹ См.: «Служебный документ предвидит беспорядки в период после смерти Дэна». «Чжэнмин» (Гонконг), 1.02.1995. В статье подробно изложены две аналитических записки, подготовленные для партийного руководства и рассматривающие разные возможные формы политических волнений. Анализ вопроса на Западе см.: *Richard Baum. China After Deng: Ten Scenarios in Search of Reality*. «China Quarterly», March 1996.
- ² В довольно оптимистичном докладе «Китайская экономика на пути к XXI веку», выпущенном в 1996 году Китайским институтом количественных экономических и технологических исследований, прогнозируется, что в 2010 году доход на душу населения в Китае составит около 735 долларов, что менее чем на 30 долларов превышает принятую Всемирным банком верхнюю границу категории стран с низким доходом.
- ³ По данным журнала «Ячжоу чжоукань» («Asia Week», 25.09.1994), совокупный капитал 500 крупнейших компаний, принадлежащих китайцам в Юго-Восточной Азии, составлял примерно 540 млрд. долларов. Есть и более высокие оценки: «International Economy» (November/December 1996) сообщает, что годовой доход 50 миллионов китайцев за рубежом составляет примерно такую же сумму, то есть приблизительно равен ВВП материкового Китая. По данным этого журнала, зарубежные китайцы контролируют примерно 90 проц. экономики в Индонезии, 75 проц. в Таиланде, 50—60 проц. в Малайзии, всю экономику Тайваня, Гонконга и Сингапура. Озабоченность такой ситуацией даже побудила бывшего посла Индонезии в Японии сделать публичное предостережение о «китайской экономической интервенции в регионе», которая может не только использовать в своих интересах экономическую мощь китайской диаспоры, но и даже привести к образованию подконтрольных Китаю «марионеточных правительств» (*Сайдиман Сурьохадипроджо*. Как иметь дело с Китаем и Тайванем. «Асахи симбун», 23.09.1996).
- ⁴ В этой связи привлекает внимание опубликованное в бангкокской газете «The Nation» (31.03.1997) сообщение о визите в Пекин таиландского премьер-министра Чавалита Йонгчаюта. Цель этого визита была определена как установление прочного стратегического союза с «Большим Китаем». Как говорилось в сообщении, руководство Таиланда признает Китай «как сверхдержаву, играющую глобальную роль», и выражает готовность выступить в качестве «моста между Китаем и АСЕАН». Сингапур заходит еще дальше в подчеркивании единства своих интересов с китайскими.
- ⁵ *Song Yimin. A Discussion of the Division and Grouping of Forces in the World After the End of the Cold War*. «International Studies» (China Institute of International Studies, Beijing) 6—8 (1996):10. Эта оценка Америки отражает точку зрения высшего китайского руководства. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что сокращенный вариант процитированной работы был опубликован в главном партийном органе печати — ежедневной газете «Жэньминь жибао».
- ⁶ Детальный анализ предполагаемого намерения Америки создать такую антикитайскую систему в Азии содержится в статье *Ван Чуньиня* «Взгляд в будущее на азиатско-тихоокеанскую систему безопасности в начале XXI века» [«Гоцзи чжаньван» («Международное обозрение»), февраль 1996]. Другой китайский комментатор утверждал, что американо-японская структура безопасности из «оборонительного щита», ограждающего от советской мощи, превратилась в «орудие нападения», нацеленное на Китай (*Ян Байцзян*. Анализ последствий американо-японского Договора безопасности. «Сяньдай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения»), 20.07.1996). 31 января 1997 года авторитетный орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью под названием «Укрепление военного союза не отвечает духу времени», в которой новое определение области военного сотрудничества между США и Японией осуждается как «опасный шаг».